

А. И. НЕМИРОВСКИЙ. Этруски: от мифа к истории. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983, 261 с.

В отечественном антиковедении разработка этрускологической проблематики получила довольно значительное развитие, особенно в последние два-три десятилетия, хотя в целом она по-прежнему заметно уступает по популярности большинству других научных тем. Среди трудов, посвященных рассмотрению тех или иных малоизученных вопросов истории, языка и культуры этрусков, следует упомянуть прежде всего работы Н. Н. Залесского, А. И. Харсекина, Л. А. Ельницкого, Е. В. Мавлеева, Н. К. Тимофеевой, О. Я. Неверова¹.

В рецензируемом издании обобщаются основные итоги долголетних научных штудий А. И. Немировского², которые привели к созданию оригинальной концепции происхождения этрусков. Кроме того, в данной книге впервые столь полно представлена реконструированная исследователем общая система религиозных представлений обитателей Этрурии и сформулированы причины исчезновения в Италии этруского этноса, ассимилированного римлянами.

Важность, затрагиваемых в монографии А. И. Немировского ключевых этрускологических проблем очевидна, ибо без их разрешения невозможно ни разобраться в специфике этно- и глоттогенеза значительной части населения Италии I тыс. до н. э.; ни найти истоки многих итальянских культов и сакральных мифов, религиозно-политических и иных государственных установлений, ни правильно оценить тот вклад,

¹ Назовем лишь основные: Залесский Н. Н. Этруски.— ПИДО, 1935, № 5—6; он же. К социальной истории этрусков.— УЗЛГУ. Сер. истор. наук, 1950, вып. 17; он же. Этруски в Северной Италии. Л., 1959; он же. Этруски в Италии в VII—V веках до н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. Л., 1962; он же. К истории этруской колонизации в Италии в VII—IV вв. до н. э. Л., 1965; Харсекин А. И. Вопросы интерпретации памятников этруской письменности. Ставрополь, 1963; он же. К вопросу о взаимоотношениях этруского и греческого языков (Греческо-этруские словарные соответствия).— В кн.: Античное общество. Труды конференции по изучению проблем античности. М., 1967; он же. Проблема этруско-карфагенских отношений в свете новых эпиграфических данных.— ВДИ, 1969, № 4; он же. Этруские надписи как исторический источник: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Воронеж, 1967; Ельницкий Л. А. Искусство древних этрусков.— ВДИ, 1947, № 1; он же. У истоков древнеримской культуры и государственности.— ВДИ, 1958, № 3; он же. Социально-политические аспекты «Бронтоскопического календаря» П. Нигидия Фигула.— ВДИ, 1971, № 2; он же. К происхождению этруской космогонии-дивинации.— ВДИ, 1977, № 2; Мавлеев Е. В. «Книга жизни» у этрусков.— ТГЭ, т. XVII, 1976; он же. Греческие мифы в Этрурии.— В кн.: Античный мир и археология. Саратов, 1979; Тимофеева Н. К. Религиозно-мифологическое мировоззрение этрусков (По данным археологии): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. Новосибирск, 1977; она же. Религиозно-мифологическая картина мира этрусков. Новосибирск, 1980; Неверов О. Я. Этруские скарабеи из Северного Причерноморья.— СГЭ, 1975, вып. XL; он же. Геммы античного мира. М., 1983 (глава «Геммы загадочных этрусков»). Ряд важных исследований помещен в тематическом сборнике «Норция» (вып. 1, Воронеж, 1971; вып. 2, 1978). Там же приведен и более полный список русской и советской этрускологической литературы.

² См., например, Немировский А. И. История раннего Рима и Италии. Воронеж, 1962; он же. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964; Немировский А. И., Харсекин А. И. Этруски. Воронеж, 1969.

который внесли этруски в сокровищницу культуры древнего Рима, а следовательно, и всей европейской цивилизации в целом.

Нельзя не отметить, что само выдвижение подобной концепции стало возможным в результате успехов, достигнутых историками, археологами и лингвистами в изучении древнейшего прошлого различных районов Средиземноморья, (не только Апеннинского полуострова и прилегающих к нему островов, но и Эгейского бассейна), а также благодаря общему повышению уровня научных исследований этрускологов в свете требований, предъявляемых к ним современным комплексным источниковедением. Для работ А. И. Немировского, как и других ведущих специалистов по этрускологии, характерно привлечение всех доступных видов источников: археологических и эпиграфических материалов, произведений искусства и свидетельств античной мифо-исторической традиции, памятников письменности древнего Востока и греко-римского круга, топонимических и нумизматических данных.

Особое значение для изучения языка и культуры этрусков имеют при этом, конечно, этрусские надписи (их известно в настоящее время около 11 тысяч). Из них уже удалось извлечь немало ценной информации даже в тех случаях, когда не осуществлено полное прочтение или интерпретация конкретного текста. Подчас установление всего лишь отдельных ключевых терминов превращает какую-нибудь еще не дешифрованную надпись в важное историко-культурное свидетельство. Автору рецензируемой книги принадлежат многие интересные и тонкие толкования содержания памятников этрусской эпиграфики, полученные главным образом комбинаторным путем.

Сведения об этрусках у греческих и римских писателей довольно многочисленны³, а основные разногласия в исторической науке возникали из-за сложности их однозначной интерпретации. Одним из достоинств концепции происхождения древнеиталийского народа этрусков, предложенной А. И. Немировским в первой главе его книги (с. 7—61), как раз и является то, что в ней автору удалось согласовать, казалось бы безнадежно противоречивые данные античной исторической традиции. В своей новой книге исследователь излагает основную массу этих данных (с. 18—55), приводит их в определенную систему, дополняя свидетельствами восточных письменных источников, и объясняет причины появления различных версий одного и того же предания, выявляя заключенное в последних рациональное зерно исторической истины.

В результате А. И. Немировским намечаются наиболее важные позитивные моменты фактологической информации — те опорные точки, на которых строится далее его этногенетическая концепция⁴. Ее стержневой идеей является положение о том, что этруски не пришли на Апеннинский полуостров как некий уже сложившийся (на прежней территории обитания) этнос, а стали таковым лишь в Италии после слияния двух следовавших одна за другой миграционных волн. По мнению А. И. Немировского, сначала пришли в Среднюю Италию, потеснив местных жителей — умбров и частично ассимилировав их, пеласги (древние обитатели Балкан и крайнего северо-запада Анатолии, предшественники греков на территории Эллады). Позднее, в VIII в. до н. э. там же появились тиррены (более раннее наименование — тирсены-турша), вышедшие вместе с сардами-шардана и другими «народами моря» в последние века II тыс. до н. э. из Эгейско-анатолийского региона и обосновавшиеся затем на несколько столетий на островах Сардиния и Корсика, где они являлись носителями нурагической

³ Ср. *Немировский А. И.* Этруски в греческой литературе и историографии. — ВДИ, 1976, № 3, с. 74—91.

⁴ Ее отдельные элементы уже знакомы специалистам по некоторым предварительным публикациям: *Немировский А. И.* Гомеровские имена пеласгов в Италии. — В сб.: Историчность и актуальность античной культуры. Научная конференция. Октябрь 1980 г. Тезисы докладов. Тбилиси, 1980, с. 20—21; *он же.* Пеласгийские города в Италии и этруская проблема. — В кн.: VIII Всесоюзная авторско-читательская конференция «Вестника древней истории». Тезисы докладов. 1—3 июня 1981 г. М., 1981, с. 69—70; *он же.* Греческий эмпорий в этрусском порту. — ВДИ, 1982, № 1, с. 152—161; *он же.* Новая этруская надпись из Рима. — В кн.: Текст: семантика и структура. М., 1983, с. 46—50; *Немировский А. И., Цыбенко О. П.* Этруски и эгейско-анатолийский мир. Древнейшие исторические, этнолингвистические и культурные контакты. — В сб.: Древние культуры Евразии и античная цивилизация. Краткие тезисы докладов научной конференции. 10—13 мая 1983 г. Л., 1983, с. 46—48.

культуры эпохи поздней бронзы. В результате тирренского завоевания италийские пеласги были превращены в пенестов, но довольно скоро слились со своими победителями в один народ⁵.

Намеченная А. И. Немировским общая схема этногенеза этрусков представляется весьма правдоподобной, поскольку в нее прекрасно укладываются те многочисленные и порой даже вроде бы трудно сопоставимые данные, которые дают нам самые разнородные источники⁶. Подкрепляется она и более тщательным рассмотрением некоторых свидетельств, ранее не соотносимых с этим сюжетом. Например, А. И. Немировский показал (с. 33—36), что наиболее раннее упоминание в Библии Таршиша (Бытие, X, 4) относится не к иберийскому Тартессу и не к киликийскому Тарсу, а к островным владениям тирсенов в Эгеиде. В дальнейшем же, после переселения тирсенов в Западные Средиземноморье, Таршиш становится для библейских авторов обобщенным обозначением далекого Запада.

Пребывание тирсенов-турша-тирренов на Сардинии в последние столетия II тыс. — первые столетия I тыс. до н. э. надежно документируется привлекаемыми А. И. Немировским (с. 58—59) в дополнение к известному сообщению Страбона (V, 2,7) данными топонимики (ср. название реки T(h)ursus⁷, служившей, согласно местной исторической традиции, сохраненной Павсанием, границей между территориями расселения на острове коренных жителей и выходцев из Эгеиды) и очень важным эпиграфическим свидетельством — упоминанием этнонима или топонима Tṛšš в финикийской надписи конца IX — начала VIII в. до н. э. из сардинской Неры (начало надписи: btršš...). Вполне убедительно выглядит и основанное на тексте дружественного договора VI в. до н. э. южноиталийского Сибариса с неким народом «сердаев» (Σερδαῖοι) отождествление последних с этрусками (с. 55—58), которое подкрепляется сообщением Феста (430, 8—9) о том, что этрусские цари именовались Sardi (это слово, ср. греч. Σαρδοί, в соответствующем пассаже у Феста можно понимать и как самоназвание этрусков в целом)⁸, и данными нумизматики⁹. Не может, на наш взгляд, вызывать сомнений и устанавливаемый А. И. Немировским (с. 43—44) италийский, а в конечном счете собственно этрусский источник информации Геродота (участника основания панэллинской колонии Фурии в Южной Италии), настойчиво подчеркивающего роль исходных малоазийско-эгейских элементов в формировании тирсено-этрусской этнокультурной общности.

В свете последних изысканий в области этногенетических связей североафриканских культур конца II—I тыс. до н. э.¹⁰ несомненно заслуживает внимания опирающееся на данные античной традиции предположение А. И. Немировского о приходе известных египетским источникам «народов моря» турша и шардана на остров Сардинию через Ливию (что, впрочем, не исключает непосредственного участия в этом

⁵ Следует особо подчеркнуть принципиальное отличие концепции А. И. Немировского от старой теории автохтонности этрусков, сторонники которой также считают, что формирование этрусского этноса происходило в самой Италии, а не за ее пределами, но относят его к более отдаленным временам — ко II тыс. до н. э. Ср. нынешнюю точку зрения на этот счет М. Паллоттино: *Domenici V. Ha dato la parola agli Etruschi. — Corriere della sera*, 15 gennaio 1984, p. 6.

⁶ К примеру, установление факта слияния пеласгов и тирсенов-тирренов в единый этрусский этнос прекрасно объясняет причины той путаницы, которая возникла с этими этнонимами в античной традиции. Тирсены-тиррены и пеласги зачастую подменяют друг друга в различных исторических преданиях эллинов, и только тождественность этих этнических обозначений как обобщенно-ретроспективных способна объяснить их подобную взаимозаменяемость.

⁷ Известная Птолемею (III, 3, 2) греческая форма этого гидронима — Θύρσος — передана Павсанием (X, 17, 6) как Θύρσος.

⁸ Аналогичное чередование а : е в основе sard/serd прослеживается и в выявленных М. Питтау сардинских типонимах Sardara и Sardia (Красновская Н. А. Некоторые проблемы дофиникийской колонизации Сардинии. — СЭ, 1980, № 5, с. 41).

⁹ Из последних нумизматических исследований см. *Cahn H. A. Serdaioi. — GNS*, 1978, XXVIII, p. 81—85; *Zancani-Montuoro P. Serdaioi? — GNS*, 1980, XXX, p. 57—61.

¹⁰ Ср. Поплинский Ю. К. Из истории этнокультурных контактов Африки и эгейского мира. Гарамантская проблема. М., 1978. Используемые здесь данные античной исторической традиции могут быть существенно дополнены, см. рец. на эту монографию: Молчанов А. А. — НАА, 1979, № 3, с. 245.

переселении и собственно ливийских выходцев — союзников эгейских завоевателей в их борьбе с Египтом)¹¹.

Словом, все давно известные историкам и заново пересматриваемые материалы находят свое место в системе аргументации А. И. Немировского при обосновании им собственной концепции происхождения этрусков. Но не менее важно и то, что результаты новейших археологических и лингвистических исследований зарубежных ученых также подкрепляют эту теорию, причем в самой потенциально дискуссионной ее части, где постулируется наличие длительного промежуточного, доиталийского периода обитания в Западном Средиземноморье, на Сардинии и Корсике, этнических предков исторических этрусков — сардов и тирсенов.

Находки археологов¹² все определеннее говорят о существовании прямых связей между Сардинией и Восточным Средиземноморьем в XII—IX вв. до н. э., что вполне согласуется с выводом о заселении острова теми из «народов моря» (турша и шардана), которые, покинув Эгиду и не удержавшись в странах Ближнего Востока, явились сюда, привлеченные прежде всего местными сырьевыми богатствами (главным образом залежами медной руды). Сардиния как раз в предполагаемое А. И. Немировским время ее освоения эгейскими выходцами становится одним из звеньев главного транссредиземноморского торгового пути (так называемого «оловянного пути»), берущего свое начало в Эгейском бассейне. С того же времени носители нурагической культуры устанавливают непосредственные контакты с обитателями областей на ближайшем к ним отрезке этого пути, проходившем вдоль западного побережья Апеннинского полуострова (ср. находки нурагической керамики на острове Липари в археологических комплексах XII — начала IX в. до н. э.). С конца IX в. до н. э. нурагическая керамика встречается в слоях будущих этруских городов Ветулония, Популония, Цере, Вульчи, Тарквинии. По-видимому, это следы первоначального проникновения нурагийцев в междуречье Арно и Тибра, бывшего прелюдией к их последующему массовому переселению на территорию исторической Этрурии.

Умножились в последние годы также свидетельства близости нурагической культуры Сардинии и этруской культуры на ее раннем этапе, на которые ссылается А. И. Немировский (с. 59—60). В то же время в результате длительных лингвистических исследований М. Питтау, крупнейший специалист по изучению прошлого Сардинии, пришел к твердому убеждению о наличии многочисленных сардинско-этруских языковых параллелей¹³.

Все это дает основания для того, чтобы солидаризироваться с концепцией происхождения этрусков, разработанной А. И. Немировским; разумеется, она будет в дальнейшем неизбежно дорабатываться ее создателем, но некоторые дополнения к ней могут быть предложены, как нам кажется, уже сейчас.

Судя по всему, переселившиеся в Западное Средиземноморье тирсены-турша и сарды-шардана в доиталийский, т. е. «островной», или сардинско-корсиканский, период своей истории выступали как равные партнеры (как следствие этого — оба этнонима, в формах *tursenoi/tyrrenoi*¹⁴ и *sardoi/sarداi*oi, сохраняются до времени окон-

¹¹ Аналогичной точки зрения в отношении шардана придерживается Н. А. Красновская (ук. соч., с. 42—43).

¹² Ср. *Ridgeway D. Archaeology in Sardinia and Etruria, 1974—1979.* — AR, 1979—1980, p. 58 f.

¹³ Ср. *Pittau M. Questioni di linguistica sarda.* Brescia, 1956; *idem. Studi Sardi di linguistica e storia.* Pisa, 1958; *idem. Lingua e civiltà di Sardegna.* Cagliari, 1970; *idem. La lingua sarda e suoi dialetti.* — In: *Conoscere la Sardegna.* Cagliari, 1976.

¹⁴ Форма *Τυρσηνοί* (дор. *Τυρσανοί*), наиболее близкая этнониму, который документирован письменными источниками и топонимикой для конца II — начала I тыс. до н. э., фиксируется в греческой литературе и эпиграфике до середины I тыс. до н. э. и позднее. Известны и образованные от той же ономастической основы *τυρσ-* антропонимы: *Турсикина* — этрусский gentilizi (ср. *De Simone C. Etrusco tursikina: sulla formazione ed origine dei gentilizi etruschi in -kina (-cina).* — SE, 1972, v. XL, ser. II, p. 153—181), *Тирсенида* — имя жительницы традиционно дружественного этрускам южноиталийского города Сибариса (*Jambl., Vita Pyth.* 219). От нее же происходят латинские обозначения этрусков — *Tusci* (*tursk- > tusc-*) и *Etrusci* (*tursk- > e-trusc-*) (ср. *Heurgon J. Recherches sur la fibule d'or inscrite de Chiusi: la plus ancienne mention épigraphique du nom des étrusques.* — MEFRA, 1971, LXXXIII, p. 24; *De Simone. Op. cit.*, p. 159—178).

чательного утверждения их носителей в Италии¹⁵). Их слияние в одну этническую общность, несомненно происходившее на Сардинии и не без участия потомков более раннего населения острова, привело к образованию народа будущих завоевателей пеласгийских городов Италии, который, очевидно, лучше всего именовать не протозтрусками (каковыми являлись, строго говоря, и итальянские пеласги, впитавшие в себя значительный местный умбрийский элемент) и не тирренами (эта позднейшая греческая форма изначального этнонима с основой *tyrs-* в первой половине I тыс. до н. э. еще не была известна), а сардо-тирсенами.

С проблемой происхождения этноса этрусков неразрывно связана и проблема их глоттогенеза. Решение последней зависит прежде всего от прогресса в изучении этрусских текстов. А. И. Немировский во второй главе своей книги (с. 62—98) дает систематический очерк истории этрускологических эпиграфических штудий. Как известно, весь действительный прогресс, достигнутый при работе с этрускими надписями, явился следствием применения комбинаторного метода в их исследовании. А. И. Немировский на конкретных примерах демонстрирует действенность углубленного анализа внутренней структуры текстов, важность выявления ономастических и иных лексических соответствий (обнаружение пеласгийских и анатолийских лексем в языке этрусков последовательно осмысливается как дополнительное свидетельство в пользу эгейско-малоазиатских истоков обоих его основных компонентов)¹⁶.

Особый интерес представляет предложенная А. И. Немировским уточненная трактовка (с. 88—90) надписи «А» на золотой пластинке из Пирг — пространной части этрусско-фикикийской билингвы, где обнаруживается упоминание об «обряде вбивания гвоздя», (об этом ежегодном церемониале, совершавшемся в Вольсиниях, сообщает Тит Ливий; аналогичный обряд совершался, и в Риме), и установление смысла слова *santi*, встречающегося в знаменитом Загребском тексте и означающего «вода» (с. 96—98)¹⁷.

Однако приходится отметить, что нарисованная А. И. Немировским картина сложения этрусского языка (с. 83) имеет, один существенный пробел. Не вызывает сомнений справедливость общей установки исследователя, гласящей: «...этрусский язык является языком смешанным по своей природе, что согласуется со сложным характером этрусского этногенеза». Далее А. И. Немировский расширяет эту свою основную мысль. По его мнению, формирование этрусского языка произошло «...в Италии в результате соединения пеласгийского и тирренского с участием в процессе глоттогонии местных индоевропейских и неиндоевропейских языков». Главными исходными слагаемыми этого «смешанного» (в основе своей неиндоевропейского, но со значительными индоевропейскими наслоениями) языка этрусков явились, по А. И. Немировскому, неиндоевропейский «тирренский» язык (для которого предлагаются

¹⁵ На Сардинии второй из этих этнонимов приобрел со временем наибольшую популярность, видимо, благодаря широкому распространению культа Отца Сарда — прежде племенного бога-эпонима. В результате от него произошло получившее широкое хождение название острова (греч. Σαρδῶν, Σαρδόν; лат. Sardinia). В дальнейшем греки и римляне стали называть сардами всех коренных жителей Сардинии вне зависимости от происхождения их отдаленных предков (ср. Красновская. Ук. соч., с. 40—43; она же. Проблемы этнической истории о. Сардиния в I тысячелетии до н. э. — СЭ, 1983, № 6, с. 37).

¹⁶ Правда, отыскивая такие соответствия, следует всегда соблюдать осторожность, дабы избежать ошибочных сопоставлений. Так, например, употребительное греческое личное имя Аримнест (Ἀριμνῆστος) никак не связано с этрусской или малоазиатской основой *arim* и потому не может считаться специфически «тирренским» (с. 37—38), несмотря на упоминание Павсанием (V, 12, 5) «царя тирренов Аримнеста», посвятившего трон Зевсу Олимпийскому (сведения Павсания несомненно восходят к тексту посвятельной надписи на троне, в которой такое имя царя может быть расценено либо как очередное свидетельство иноязычных ономастических заимствований в Этрурии, либо как греческая калька реального личного имени или части титула некоего этрусского правителя).

¹⁷ Не исключено, что согласный *t* появился в слове *santi* вместо первоначального *d* в результате характерного для этрусского языка оглушения, и, таким образом, данное слово может восходить к основе *sand*, а не *sant*, что следует учитывать при поисках родственных форм в древних языках того же Эгейско-Анатолийского региона (ср., например, Σάνδαρος — река в Южной Фракии, близ Оливфа в Халкидике).

или, скорее, предсказываются «малоазийские и кавказские параллели») и индо-европейский пеласгийский¹⁸.

Что касается пеласгийского (или пеласгского) языка, то его индоевропейский характер¹⁹ и особая роль одного из основных исходных компонентов этрусского теперь предельно ясны. К сожалению, с «тирренским» дело обстоит несколько иначе. А. И. Немировский, несомненно, видит в нем язык турша-тирсенов — выходцев из Эгейды. Но в настоящее время нет никаких оснований усматривать хотя бы в одном из племен Эгейского бассейна конца II тыс. до н. э., входивших в число «народов моря», носителей неиндоевропейского языка²⁰. Эти племена «эгейцев» определенно говорили на различных диалектах индоевропейских языков — пеласго-фракийского (пелешет-филлестимляне), фригийского (текра-тевкры?), греческого (акайваша-ахейцы, дануна-данайцы) и анатолийских (лукка-ликийцы). Поэтому если выводить турша-тирсенов и шардана-сардов из Эгейды (к чему заставляют склоняться все наличные данные), то следует видеть в них индоевропейцев по языку (скорее всего анатолийцев, как подсказывает собственная этрусская традиция, связывающая тирсенов, герр. сардо-тирсенов Сардинии, с Лидией и лидийскими Сардами)²¹. Другое дело — их потомки сардо-тирсены (носители археологической культуры нураг в ее позднем варианте), прожившие на островах Сардиния и Корсика несколько столетий вместе с местными, автохтонными племенами — явно неиндоевропейскими.

Так или иначе, но остается предположить, что неиндоевропейская основа языка этрусков, принесенная в Италию сардо-тирсенами, была усвоена последним уже на Сардинии. Кто были более ранними ее носителями, в значительной мере ассимилировавшими сардо-тирсенов (прежде всего в языковом отношении), пока установить нельзя²². Ими могут оказаться (за исключением заведомо бербероязычных ливийцев, пришедших на остров или вместе с турша и шардана, или самостоятельно) и иберийские мигранты, и коренные жители соседней Корсики, и самые первые, согласно античной традиции, неизвестные нам по названию обитатели острова (сведения обо всех этих древних племенах, поочередно заселявших Сардинию во II — первых столетиях I тыс. до н. э., наиболее полно собраны Павсанием: X, 17, 2—8)²³.

¹⁸ А. И. Немировский считает нелишним дать в связи с этим следующее пояснение: «При этом мы не отрицаем, что в пеласгийском языке были неиндоевропейские включения, так же как и в тирренском языке могли быть некоторые индоевропейские заимствования» (с. 83).

¹⁹ Работы Л. А. Гиндина позволяют вполне надежно отождествлять пеласгийский язык с фракийским, см. *Gindin L. A. Le «pélasgique» et le thrace.* — In: *L'ethnogenèse des peuples balkaniques. Symposium international sur l'ethnogenèse des peuples balkaniques.* Plovdiv, 23—28 avril 1969. Sofia, 1971; *Гиндин Л. А. К проблеме генетической принадлежности «пеласгского» догреческого слоя.* — ВЯ, 1971, № 1.

²⁰ Единственное неиндоевропейское «исключение» в Эгее того времени составляли минойцы — догреческие аборигены Крита, частично уцелевшие в некоторых районах острова, но не игравшие никакой политической роли уже со второй половины XV в. до н. э.

²¹ Если родство языка лемноских текстов VI в. до н. э. с этруским подтвердится, то оно должно иметь пеласгийскую природу. О заселении Лемноса пеласгами в конце II тыс. до н. э. и пребывании их там вплоть до афинского завоевания острова во второй половине VI в. до н. э. с полной определенностью свидетельствуют надежные источники (*Herod.*, IV, 145; VI, 136—140; *Thuc.*, IV, 109, 4; *Paus.*, VII, 2, 2). В данной связи можно вспомнить упоминаемое Диодором (III, 67, 1; 67, 4) «пеласгийское письмо», которым пользовался, по преданию, фракиец Орфей.

²² О дороманском языковом субстрате Сардинии, помимо указанных выше работ М. Питтау, см. *Hubschmid J. Sardische Studien. Das mediterrane Substrat des Sardischen, seine Beziehungen zum Berberischen und Baskischen sowie zum eurafrikanischen und hispano-kaukasischen Substrat der romanischen sprachen.* Bern, 1953; *Wagner M. L. La Lingua Sarda. Storia, spirito e forma.* Bern, б.г.

²³ Подобный вывод о западносредиземноморском местоположении прародины «неиндоевропейского протоэтрусского» (иначе говоря, «позднеурагического» или «сардо-тирсенского» на Сардинии первых веков I тыс. до н. э.) языка существенно снижает актуальность гипотезы о принадлежности этрусского к северокавказской семье, коль скоро она подразумевает переселение этрусков — его носителей — в Италию после Троянской войны непосредственно из малоазийского ареала (ср. *Иванов Вяч. Вс. Новые данные о соотношении малоазийской ликийской, этрусской и римской письменных традиций. Обозначение чисел.* — В сб.: Симпозиум «Античная балканистика. Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. Лингвистика, история, архео-

Богатый эпиграфический материал служит главным источником и для изучения социально-политической структуры этрусского общества, рассматриваемой автором книги в третьей главе (с. 99—138). Впервые в полном объеме выявляются основные черты устройства городов-государств у этрусков. Анализ встречающейся в памятниках эпиграфики древней Этрурии терминологии, относящейся к сфере общинной и городской жизни, приводит А. И. Немировского к принципиальному выводу о «развитости государственных отношений» и «существовании гражданского коллектива» (с. 103).

Исследователь видит в терминологической системе, обнаруживаемой в текстах административно-правового характера, несомненные признаки полисной организации. Устанавливая пеласгийскую принадлежность важнейших терминов **spura* — «город» (отсюда *spurestes* — «гражданство») и *tuthi* — «государство, община» (с. 103—105), он приходит к выводу о том, что «...до появления тирренов (сардо-тирсенов с острова Сардиния в Италии. — А. М.) главную роль в процессе формирования государства играли пеласги» (с. 105).

В то же время характерную для этрусков крайне архаичную традицию оформления политических и религиозных объединений — союзов городов-государств в виде 12-градий²⁴, несомненно опиравшуюся на «представление о числе 12 как идеальной основе деления космоса и соответственно общества» (с. 111), А. И. Немировский выводит из Малой Азии и сопредельных стран Ближнего Востока. Древнейшие прототипы известных греческих и этрусских 12-градий усматриваются исследователем в предполагаемом им предшественнике Паниония — союзе 12 карийско-фригийских городов малоазийского побережья Эгейского моря и объединениях 12 племен, характерных, согласно Библии, для некоторых обитателей Палестины (древних евреев, измаилитов, арамеев, эдомитов).

Свидетельства античной традиции позволяют, однако, утверждать, что раньше, чем в Малой Азии и Палестине, такие двенадцатичленные политические объединения появляются на юге Балканского полуострова. Их основание и достаточно длительное существование эллиниские историки с уверенностью (исходя из традиционной хронологии, опиравшейся на счет поколений в царских династиях) относили, по меньшей мере, к двум-трем последним столетиям того периода истории Греции, который принято теперь именовать ахейским (он продолжался примерно до конца XIII в. до н. э.). Так, в весьма отдаленное прошлое (как минимум за шесть поколений до Троянской войны²⁵) относили учреждение в Фокиде под эгидой аргосского царя Акрисия Дельфийской амфикифии с ее 12 первоначальными участниками-общинами (Strabo, IX, 3, 7). Царь Кекропс, живший, по местному афинскому преданию, еще раньше²⁶, считался основателем аттического 12-градия (Strabo, IX, 1, 20). Древнейшее ионийское 12-градие находилось на севере Пелопоннеса, где оно уже после прихода дорийцев было унаследовано вытесненными сюда из других частей полуострова ахейцами²⁷.

логия». 2—4 декабря 1980 г. Предварительные материалы. Тезисы докладов. М., 1980, с. 20—23; *он же*. К истолкованию этрусских текстов на основе сравнительного языкознания. — В кн.: Текст: семантика и структура. М., 1980, с. 36—46).

²⁴ Двенадцатиградие было учреждено сначала в собственно Этрурии, а затем по его образцу создаются союзы 12 городов в колонизованных этрусками Кампании и Северной Италии.

²⁵ Т. е., по обычному для эллинов счету, за два века до нее. В дополнение к справедливому замечанию А. И. Немировского (с. 46) о сложности проблем абсолютной датировки самой Троянской войны (что весьма желательно для уточнения фактологической стороны истории междинастических отношений в ахейской Греции накануне ее падения под ударами внешних сил) надо указать, что помимо точки зрения на этот счет, отстаиваемой александрийскими учеными III в. до н. э., античная традиция знала и иные хронологические версии: если Эратосфен датировал взятие Трои ахейцами 1184 г. до н. э., то Паросская хроника — 1209/8 г. до н. э., а Геродот — приблизительно 1260 г. до н. э. Все это, разумеется, не способствует уточнению имеющейся археологической датировки разрушения Трои VIIa в пределах середины — второй половины XIII в. до н. э.

²⁶ Паросская хроника датирует его воцарение 1581/80 г. до н. э.

²⁷ Herod., I, 145; Strabo, VIII, 7, 1; 7, 4—5; Paus., VII, 6, 1.

Как нам уже приходилось отмечать²⁸, имеются данные о том, что форма государственно-политических объединений в виде союза 12 городов-государств обнаруживается на минойском Крите еще в первой половине II тыс. до н. э. По всей видимости, именно отсюда данная традиция распространилась к середине II тыс. до н. э. вместе с другими культурными влияниями минойцев на греческо-пеласгийский юг Балкан²⁹. Греки и пеласги в свою очередь донесли эту традицию до более отдаленных районов Восточного и Западного Средиземноморья: первые составили основной костяк населения ионийского и эолийского 12-градий в Малой Азии³⁰, вторые стали учредителями двенадцатичленных племенных объединений и городских лиг в Палестине (там от пеласгов-пелешет-филистимлян этот эгейский общественно-религиозный обычай переняли многие их соседи) и Италии.

Продолжая разбор терминологии, относящейся к сфере государственного управления (атрибуты царской власти, названия административных должностей, сословные обозначения), А. И. Немировский предлагает для них в каждом случае параллели в эгейско-анатолийском лингвистическом материале. При этом круг возможных языковых заимствований в пределах того региона, очерченный исследователем, оказывается достаточно широким: от слов пеласгийских (*corona*, *lethe*, *lethi*, *lethia*) до хаттских или хурритских (*zila*, *zila*). Особенно обнадеживающими представляются нам возможности дальнейшего пополнения за счет такого рода терминов числа лексем, происходящих из языка пеласгов. На наш взгляд, к ним можно причислить, в частности, титул должностного лица *magis* с основной *mag*, распространенной в пеласго-фракийской ономастической и иной лексике: ср. *Ἰσμάρως* — зять Тегирия и сын Евмола (двух мифических фракийских царей); *Ἰσμάρως* (позднее *Ἰσμάρως*) — город фракийского племени кикон на северном побережье Эгейского моря; *Ἰσμάρως* — озеро в стране кикон; *Μαρόνεια* — город фракийцев-киконов рядом с Исмаром; *Μάρων* — мифический жрец Аполлона во Фракии, эпоним города Маронеи (возможно, древний фракийский теоним); *Μάρης* — река в стране фракийского племени гетов, левый приток Дуная; *Μαριαδύνο* — фракийское по происхождению племя в Вифинии (в так называемой Азиатской Фракии); *Μαριαδύνης* — царь-эпоним племени мариадинов, приходившийся сыном Финею, царю Салмидесса в Фракии; *Μάραθα* — местность в Аркадии, первым царем которой считался Пеласг; *Μαράθων* — дем в Аттике; *Μάραθος* — герой-эпоним аттического дема Марафон, сын выходца из Фессалии (Пеласгийского Аргоса); *Μαράθουσα* — остров вблизи города Клазомены на западном побережье Малой Азии, к юго-востоку от Лесбоса (заселенного в свое время пеласгами); *magas* — титул магистрата в лемносской надписи VI в. до н. э.

Вероятно, пеласгами принесен в Италию и термин *etega* (ср. греч. и македон. *ἐταῖροι*), точный смысл которого стал ясен только после введения в научный оборот архаической латинской надписи из Сатрика, исчерпывающе интерпретированной А. И. Немировским³¹. Не может вызывать сомнений правильность определения этрусских *etega* как группы людей, связанных клятвой верности с неким знатным лицом (по принципу неусторжимой обоюдной связи дружины и ее вождя), тождественной римской *suodales/sodales* (с. 124—127)³². Прослеживаемое пеласгийское про-

²⁸ Молчанов А. А. Некоторые результаты применения комбинаторного метода исследования при анализе текста Фестского диска. — ВМУ. Сер. история, 1977, № 2, с. 74; он же. Таинственные письмена первых европейцев. М., 1980, с. 73—74. Ср. Leaf W. *Homer and History*. Oxf., 1915, p. 183.

²⁹ Местный сакральный миф говорил об основании святилища в Дельфах, которое охраняли 12 общин-амфикионов, «критянами из града Миносова Кносса» (*Hom.*, *Нутн.* II, 216 sq.), а факт подчинения Аттики с ее 12 городами до синоикизма Тесея установил критской «талассократии» — царю Миносу не вызывал сомнений у эллинских мифографов и историков (ср. *Bacchyl.*, XVI, 1 sq.; *Plato*, *Leg.* 706 B; *Ps.-Plato*, *Minos* 321 A; *Isocr.*, *Orat.* X, 27; *Apollod.*, III, 15, 8; *Diod.*, IV, 61, 1—3; *Plut.*, *Thes.* 15; *Paus.*, I, 27, 10).

³⁰ *Herod.*, I, 143, 145, 146, 149; *Strabo*, VIII, 7, 1; XIV, 1, 4; *Paus.*, VII, 5, 1.

³¹ Немировский А. И. Надпись из Сатрика — опорный пункт раннеримской истории. — ВДИ, 1983, № 1, с. 40—50.

³² Тем самым, наконец, проявились побудительные мотивы знаменитого заговора знатной римской молодежи — бывших *sodales* царских сыновей (ср. *Liv.*, II, 3, 2) — с целью восстановления власти династии Тарквиниев, составившегося в первый же год республики.

исхождение государственно-политических установлений и связанной с ними терминологии подтверждает вывод о ведущей роли наследия пеласгов в завершении процесса формирования развитой государственности у этрусков.

А. И. Немировский обстоятельно характеризует специфические особенности царской власти в полисах Этрурии, роль в их политической и общественной жизни могущественной родовой знати, уровень развития рабовладения у этрусков (который, вопреки ранее высказывавшемуся в отечественной этрускологической литературе мнению ³³, оказался достаточно высоким). Подробно рассматриваются встречающиеся в трудах римских авторов и эпиграфических памятниках сведения о социальных конфликтах в этруских городах-государствах (в 302 г. до н. э. в Арреции, в 265—264 гг. до н. э. в Вольсиниях, в 241 г. до н. э. в Фалериях).

В четвертой главе (с. 139—163) А. И. Немировский прослеживает по отдельным этапам историю становления морского могущества этрусков и его последующего упадка. Он дает строго мотивированную периодизацию развития так называемого «тирренского пиратства», выделяя два периода: VIII — середина V в. до н. э. — время этруской «талассократии», когда полисы Этрурии вели организованную и целенаправленную борьбу с их политическими и торговыми конкурентами главным образом в бассейне Тирренского моря; и IV — III вв. до н. э. — эпоху постепенно прогрессирующего экономического упадка городов-государств этрусков в Средней Италии и утраты ими независимости, ознаменовавшуюся перемещением арены активных действий корсаров-тирренов (занимавшихся теперь беспорядочным морским разбоем, грабежом и работорговлей исключительно в целях личной наживы) в Адриатику и соседние районы акватории восточной части Средиземного моря. Исследователь выявил значение заимствования римлянами опыта судостроения и кораблевождения этрусков, которое ранее упускалось из виду историками.

Последняя глава книги (с. 164—228) посвящена пересмотру всех имеющихся в наличии материалов, освещающих те или иные стороны религиозных представлений этрусков, их мифологию и культовую практику. По письменным источникам и художественным памятникам (люстры из Кортоны середины V в. до н. э., зеркалам с изображениями мифологических сцен) А. И. Немировский восстанавливает существовавшую у обитателей Этрурии концепцию устройства мира как единой пространственно-теологической системы, обнаруживающей большое сходство с ближневосточными моделями мироздания. Скрупулезно реконструируется многообразный и тщательно дифференцированный по «сферам деятельности» отдельных божеств пантеон этрусков. Последовательное рассмотрение функций богов и богинь, поиск соответствующих им параллелей среди мифологических персонажей других древних народов, подтверждают тезис А. И. Немировского об эгейско-анаатолийских корнях этруской мифологии и религии в целом (столь отличной от религиозных представлений собственно итальянских народов в I тыс. до н. э.).

Некоторые уточнения и дополнения, которые здесь могут иметь место, носят сугубо частный характер. Так, бог Сатрес (другие варианты написания его имени — Сатрос, Сатрс, Сатириас) у этрусков может быть сопоставлен не только с Сатром фригийцев (ср. фракийский этноним Σάτραι) и Сатурном римлян (с. 204), для культа которого наиболее вероятным уже давно считается критское происхождение, но также (судя по сходству теонимов) с неким древним прототипом божеств низшего разряда греческого пантеона — сатиров (σατύροι). Этот Σάτυρος был, по-видимому, первоначально одним из почитаемых минойских богов. На это указывают упоминания данного теонима и производных от него форм в античной традиции, каждый раз так или иначе связанные по контексту с Критом: ср. Σάτυρος — персонаж древнейшего аргоско-аркадского мифа, тождественный критскому быку — опустошителю ряда областей Эллады (Apollod., II, 1, 2); Satura — критская царевна, дочь Миноса (Prob., Verg. Georg. II, 197); Σατύριον (лат. Saturejum) — местность в Южной Италии близ Таран-та, заселенная критянами — спутниками царя Миноса в его походе на Сицилию (Strabo, VI, 3, 2; ср. Hor., Sat. I, 6, 58) ³⁴.

³³ Ср. Залесский. К социальной истории этрусков, с. 157 сл.

³⁴ Для большей полноты считаем необходимым привести и еще один относящийся сюда пример: имя Sa-tu-ri (форма родительного и, возможно, винительного падежа)

Нельзя также обойти молчанием возможность сравнения второго имени отождествляемого с греческим Гермесом этрусского бога Херму — Турмс с группой имен собственных и appellативов, производных от основы *tur*, которую А. И. Немировский выявляет в данном теониме (с. 205). Слова, родственные теониму *Turms*, принадлежат, насколько можно судить, к ономастике и appellативной лексике, восходящей к языку пеласгов: ср. *Turō* — жена царя Кретея, основателя города Иолка в Фессалии, издревле населенной пеласгами (ср. *Hom.*, *Od.* XI, 236 sq.; *Apollod.*, I, 9, 11); *τδραννος* — агейский догреческий титул правителя, засвидетельствованный в форме *segranim* у филистимлян — потомков пеласгов-пелешет; *Tu-ri-so* — встречающееся в текстах линейного письма В название города (позднее *Τυρίς*)³⁵ на северном побережье острова Крит, где некогда обитали пеласги (ср. *Hom.*, *Od.* XIX, 177—178); *Tu-ri-jo* — личное имя, присутствующее на табличках линейного В из Кносса и Пилоса (№ 4473; Jn 693). Общий для них корень *tur* обнаруживается и в имени этрусской богини *Turan* (Владычица), принадлежащем, таким образом, к пеласгийскому языковому слою на италийской почве³⁶. Его основное (или по крайней мере наиболее древнее) значение устанавливается по указанным выше примерам: «господин, владыка»³⁷.

Немаловажное значение для понимания истоков религии этрусков имеет изучение устройства их культовых центров и сооружений, организации сакральных церемоний, функций этрусского жречества (с. 217—228). Действительно, весьма показательно размещение особо чтимых и, возможно, наиболее древних святилищ Этрурии в священных рощах, подобных знаменитой дубовой роще с оракулом Зевса в пеласгийской Додоне. Следует также добавить, что этрусские игры, связанные с культом мертвых, находят себе соответствие в тех агонах, которые нередко устраивались, согласно свидетельствам греческой мифолого-исторической традиции, после погребения ахейских царей и знатных воинов. Есть также данные о проведении гимнических состязаний в честь умерших правителей в еще более раннее (судя по относительной хронологии мифических генеалогий) время у пеласгов Фессалии: по преданию, такие состязания устроил на похоронах своего отца Тевтамид, царь города Ларисы в фессалийской Пеласгиотиде (*Apollod.*, II, 4, 4). Таким образом, результаты рассмотрения всей совокупности фактов, относящихся к этрусской религии, вполне согласуются с предложенной А. И. Немировским теорией этногенеза этрусков.

В кратком заключении (с. 225—236) автор рецензируемой книги всесторонне освещает вопрос об этруском наследии, столь высоко ценимом уже римлянами. Вклад этрусков в культурное развитие древнего Рима и Италии чрезвычайно велик. Из Этрурии были заимствованы в Рим инсигнии власти высших должностных лиц государства, гаруспицина — искусство гадания по внутренностям животных, ряд музыкальных инструментов, некоторые культы и религиозные обряды, навыки кораблестроения и навигации, техника устройства дренажных сооружений и металлообработки, знания в области агрономии и медицины. Градостроительство и архитектура, скульптура и живопись, театр и музыка древних римлян в равной степени испытывали поначалу зависимость от этрусских образцов. Трудно переоценить и ту роль, которую этруски сыграли как распространители алфавитной письменности среди народов Средней и Северной Италии, а также альпийских областей. А. И. Немировский напоминает о целой плеяде этрусских выходцев, оставивших заметный след в римской научной и художественной литературе (с. 233). Но помимо перечисленных им выдающихся пред-

носят три минойских династа в тексте Фестского диска, согласно чтению последнего в результате использования метода искусственной билингвы (*Молчанов*. Некоторые результаты..., с. 68—73).

³⁵ Его существование в догреческую эпоху документировано археологически (*Пендлбери Дж.* Археология Крита. М., 1950, с. 142, 197, 215, 251). Высказывалось, правда, мнение и об анатолийском происхождении данного топонима (ср., однако, *Τυρίς* город во Фракии).

³⁶ Таким образом, выглядят парными теонимы, образованные от основы *tur* с помощью соответствующих расширений. — *Tur-ms* и *Tur-an*. Следовательно, оба они должны иметь одинаковую пеласго-фракийскую этимологию: корень *tur* в двух явно основных этрусских теонимах — *Turms* и *Turan* — вряд ли может иметь разное значение (с. 191, 205). При этом теоним Херму надо признать скорее греческим, а не пеласгийским по происхождению дубликатом имени бога Турмса.

³⁷ Ср. *Немировский А. И.* Царская власть у этрусков. — В кн.: Норция. Вып. 1. Воронеж, 1971, с. 21.

ставителей творческой интеллигенции стоило бы, наверное, упомянуть и тех отпрысков знатнейших родов Этрурии, которые, будучи видными государственными и военными деятелями Рима эпохи республики и империи, принадлежали к наиболее образованным слоям общества.

Потомки этруских лукумонов вливались в состав правящего класса Римского государства в разные периоды его существования. Такое случалось и в конце VII — VI в. до н. э. — при царях из династии Тарквиниев, и в первой половине II в. до н. э. — после II Пунической войны, когда сыновья и внуки отличившихся в ней представителей италийской знати добиваются курульных должностей в Риме и попадают в его сенат (как, например, латиняне Луций и Гней Аниций из Пренесте или этруск Марк Перперна). Но самый большой приток в ряды римской знати родовитых этрусков, как и прочих италиков, падает на время после Союзнической войны (т. е. после поголовного получения ими прав римского гражданства).

На протяжении I в. до н. э. перебираются в Рим и романизируются самые видные фамилии из различных городов Этрурии. Среди них стоит особо отметить происходящее из Волатерр семейство, члены которого носят характерный этрусский гентилиций Цецина (лат. *Caecina*, этр. *Seisna*). Цецины получили в императорскую эпоху известность более всего как полководцы и крупные администраторы. Этот род, ставший со временем одним из первых в сенате, продолжал сохранять свое высокое положение до самого конца существования Западной Римской империи³⁸ и даже сумел благополучно пережить ее падение. Род Сальвиев, родины которого был город Ферентин (в Южной Этрурии), также происходил от этруских лукумонов (*Suet.*, *Otho*, 1). Он попал в римский сенат при Августе. За первое столетие империи — время активной политической жизни трех поколений рода — его представители достигли сначала претуры, затем консульства и, наконец, высшей власти в государстве (Марк Сальвий Отон ненадолго стал принцем в 69 г. н. э.).

Нам представляется, что переселение в Рим последних представителей знатнейших родов Этрурии — традиционных духовных и политических руководителей своего народа³⁹ — явилось не менее серьезной причиной окончательной романизации этрусков, чем отмеченные А. И. Немировским (с. 233—236) общий постепенный экономический упадок этой области древней Италии и усиление здесь римской колонизации (особенно в результате наделения землей множества ветеранов Суллы).

Однако это наше суждение, как и все прочие, возникает и имеет силу прежде всего как дополнение к системе аргументации автора рецензируемой книги, в которой затрагиваются практически все насущные проблемы этрускологии⁴⁰. Выполненная на высоком научном уровне обобщающая работа А. И. Немировского закладывает основы нового направления в изучении истории и культуры этрусков. Перспективность этого направления определяется впервые полно изложенной в ней целостной и всесторонне обоснованной теорией этрусского этно- и глоттогенеза, базирующейся на тщательной проработке всех наличных материалов.

А. А. Молчанов

³⁸ Ср. *Seeck, Hartmann. Basileios.* — RE, B. III, Stuttgart, 1899, Sp. 48—49; *Münzer. Caecina.* — RE, B. III, Sp. 1236—1237; *Seeck. Ceionius.* — RE, B. III, Sp. 1861—1862, 1864—1866.

³⁹ Римские источники прямо говорят о том, что именно знать была у этрусков главной хранительницей священных жреческих знаний (*Cic.*, *Div.* I, 92; *Tac.*, *Ann.* XI, 15).

⁴⁰ Необходимо, вероятно, отметить дополнительно лишь две допущенные А. И. Немировским мелкие неточности. Во-первых, имя хеттов, как окончательно доказал Л. А. Гиндин, было все-таки известно древним грекам в гомеровской форме *Κητεοί* (Гиндин Л. А. Древнейшая ономастика Восточных Балкан. София, 1981, с. 147—148; *он же*. Гом. ΚΗΤΕΟΙ в конкретно-историческом интерпретации. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. М., 1983, с. 32—36). Во-вторых, вполне справедливое замечание А. И. Немировского о том, что засвидетельствованные археологически разрушения некоторых городов Греции позднелаздского времени могли быть результатами междоусобных войн ахейских анактов, не стоило бы сопровождать ссылками на «столкновения между Персеидами и Пелопидами, Гераклом и Нестором» (с. 46), ибо эллинская традиция говорит о мирной смене в Микенах династии Персеидов династией Пелопидов (ср. *Apollod.*, *ep.* II, 11), а Геракл сражался не с Нестором (которого он сам потом сделал царем Пилоса), но только с его отцом Нелем и братьями (ср. *Hom.*, *Il.* XI, 690 sq.; *Apollod.*, I, 9, 9; II, 7, 3; *Paus.*, II, 18, 7).